

Этта Северин резко проснулась и не поняла, где находится.

Она лежала на кушетке в небольшой каюте. Сферы, утопленные в нишах, светили вполсилы.

— Эй? — позвала она озадаченно.

В дверях каюты тут же появился Готч с пистолетом в руке.

— Что такое?

Этта села на кушетке и выдохнула, вспоминая.

— Ничего, все нормально, — ответила она, чувствуя себя глупо. — Не могла... Просто потерялась на секунду.

Этта Северин резко проснулась и не поняла, где находится.

Она лежала на кушетке в небольшой каюте. Сферы, утопленные в нишах, светили вполсилы.

— Эй? — позвала она озадаченно.

В дверях каюты тут же появился Готч с пистолетом в руке.

— Что такое?

Этта села на кушетке и выдохнула, вспоминая.

— Ничего, все нормально, — ответила она, чувствуя себя глупо. — Не могла... Просто потерялась на секунду.

Готч спрятал пистолет. Северин обратила внимание, что тот избегает смотреть прямо на нее. Даже полностью одетая и при всем подобающем виде, она все равно оставалась знатной дамой, находящейся в постели, и Готч воспитанно отводил глаза. Его галантность была даже в чем-то приятна.

Этта встала и потянулась.

— Где мы?

— Входим в северный пояс рабочих поселений, — ответил Готч. — Минут десять назад экзекутор предупредил, что подходим к промежуточной точке.

— Почему ты меня не разбудил?

Он пожал плечами.

— Мне показалось, что вам необходим отдых.

Этта кивнула:

— Благодарю, майор. Нам лучше подняться вверх.

Свита экзекутора-фециала оставила западные ворота Ореста Принципал перед рассветом и двинулась на уровень субульев, вдогонку за колонной арьергарда, следующего за главным наступлением. Этта подумала было, не придется ли ей попросить официального места в свите, но Крузий посчитал само собой разумеющимся, если она составит им компанию. Казалось, он всячески старался ей угодить.

Этта размышляла о своей роли. Инструкции лорда-губернатора Алеутона были просты, но, оглядываясь назад, она видела все его хитрости. Учитывая наличие орбиталок, антенн СПО и военных каналов передачи данных, у губернаторских сетей командного управления не было бы никаких проблем с постоянным отслеживанием хода боевых действий. Северин прислал сюда не собирать тактическую информацию, которая все равно была вне пределов ее компетенции. Алеутон отправил ее следить за политическими и стратегическими аспектами исполнения. Для этой роли она подходила более чем, но — было противно. Особенно Алеутон недооценил проницательность Крузия. Экзекутор-фециал раскусил скрытые мотивы Этты и знал, что она это поняла. Его обходительность и открытость делали ее роль еще более неприятной.

Транспортом экзекутору служил гигантский бронированный краулер. Зонне, фамулус, как-то упоминал модель и тип машины, но эти подробности вылетели у Этты из головы. Пять палуб и наблюдательный мостик сидели на трех парах тяжелых гусениц под защитой армированного керамитового корпуса и пустотных щитов. Шел краулер неторопливо и плавно — признаков того, что он движется, практически не было заметно.

Готч, стоя на почтительном расстоянии, подождал, пока Этта подготовит и отправит свежий отчет в офис лорда-губернатора. Затем вместе они прошли по осевому коридору машины и забрались по сквозной лестнице через палубы на мостик.

Экипаж наблюдательного мостика был укомплектован преимущественно сервиторами, каждый из которых нес эмблему и клеймо Легио Инвикта. Большинство были вставлены по пояс прямо в свои места. Этта засомневалась, есть ли у них ноги. Или, может, они отделялись от нижних конечностей, чтобы встаться на место, а ноги хранились где-нибудь, пока сервиторы находятся на боевом посту? Или они постоянно на посту?

В нишах по периметру мостика стояли на страже грозные воины-скитарии, числом восемь. Номинально на мостике командовал мужчина по фамилии Лысенко, одетый в форменные брюки и куртку моториста и носящий почетный титул модерати.

Крузий и Зонне стояли у центрального штурманского стола, бегло просматривая информацию на гололите. Даже повернувшись к ним спиной, Крузий, похоже, узнал об их присутствии в тот самый момент, как они появились на палубе. Он обернулся и улыбнулся.

— Мамзель, хорошо ли вы отдохнули?

— Да, прекрасно, — ответила Северин.

— Не присоединитесь ли к нам?

С Готчем за спиной она подошла к столу. От нее не укрылось, как Зонне быстро погасил и убрал какие-то файлы и заменил их скомпонованным изображением местности. Крузий явно прочел это у нее на лице.

— Мои извинения, Этга, — произнес он. — Мы просто просматривали первые данные, загруженные из секвестированных архивов. Материал щекотливый. Я уверен, вы поймете.

— Конечно. Нашли что-нибудь полезное?

— Пока ничего, мамзель, — ответил фамулюс. — Их все еще обрабатывает Аналитика.

— Мы в двух минутах от первой промежуточной точки, — сообщил Крузий. Он указал на изображение местности. Эtte оно мало о чем говорило — меняющаяся, постоянно обновляемая трехмерная карта улиц и отметки строений. Она смутно узнавала планировку некоторых районов.

— Ноосфера передает адекватную картину, — сказал Крузий, — но это слабая замена собственным глазам.

Он повернулся и окликнул Лысенко:

— Модерати? Откройте заслонки, будьте добры.

— Слушаюсь, экзекутор, — отозвался Лысенко со своего поста и отправил гаптическую команду в невидимую ноосферу.

Внешние заслонки немедленно убрались, словно веки с глазного яблока, и наблюдательный

мостик целиком превратился в стеклянный купол. Этта прищурилась, когда мягкий полумрак сменился ярким светом дня.

Наблюдательный мостик оказался пузырем из бронированного стекла на носу краулера. Он давал панорамный обзор окрестностей с десятиметровой высоты. Этта медленно повернулась, осматриваясь кругом. Они двигались по шоссе Принципал, вниз по склону Семпловых Высот — круто снижающемуся городку из штабелей жилых блоков и домов, образующему предгорье возвышающейся громады Принципала. Шоссе — широкая расщелина из роккрита и алюминиевых изгородей — сходило по склону холма серией глубоких вырезков. Строения здесь громоздились одно на другое, словно шаткие утесы жилищной архитектуры, ярусами цепляясь за крутой склон и нависая над заглубленной дорогой.

Этта всегда любила Семпловы Высоты. В лучшие годы она часто приезжала сюда на маглеве из Конгресса, чтобы провести послеобеденное свободное время, бродя по маленьким базарам и лавкам безделушек, обходя торговцев книгами на аллее Критиканов и аукционы певчих птичек на Житье, прогуливаясь вверх и вниз по крутым публичным лестницам, таинственно оттененным приподнятыми зданиями, перекусывая в нависающих сверху кафе, где воздух полнился звуками мандолин и клюзовок. Это место всегда было для нее отдушиной, миром за пределами давящей всеобщности улья Принципал. Все здесь было охвачено духом бродяжничества и безудержной мишуры, ощущением полноты жизни. Она вспомнила кофейню на Соулпайке, где подавался лучший кафф, который она когда-либо пробовала.

Война еще не пришла на Семпловы Высоты, но высокие штабели и шаткие мостики уже опустели. Дома были забраны ставнями, лавки закрыты. Война, конечно, еще не дошла, но долетел ее запах. Глядя из-под купола краулера, Этта почувствовала страх, тревогу, напряжение неминуемости. Жители попрятались или сбежали на окраины Принципала, деля комнаты с друзьями или родственниками.

Утро было ясным и невинно радостным. Этта могла видеть вдаль на десятки километров.

На востоке, позади нее, над нагромождением штабелей Семпла, виднелась огромная гора Ореста Принципал, заслонившего небо своей туманной голубой массой. Неважно, находилась ли она внутри улья или вне его, огромные размеры главного улья всегда ее потрясали. Он заслонял горизонт, и его вздувшаяся громада заставляла казаться маленькими сами небеса. Верхние шпили, в одном из которых она стояла всего несколько дней назад, доставали до самой крыши мира. Ничто столь огромное ведь не могло пасть? Ведь не могло?

Впереди, в нижних землях, обширные застройки рабочих поселков спускались до далекой громады, которая была Аргентумом. По словам Готча, Аргентум называли теперь Городом-губкой. Готч не знал почему. Бледное небо над дальним ульем покрывали кровоподтеки дыма и копоти: линия фронта, поняла Этта.

Краулер экзекутора шел во главе пятидесяти таких же машин, по большей части перевозчиков боеприпасов и нескольких пехотных транспортов. Легкая бронетехника и открытые артиллерийские самоходки двигались по бокам, стаи «Стервятников» и «Валькирий» гудели над головой, обеспечивая непосредственное прикрытие. Один только транспорт Крузия нес

восемь платформ «Гидра» и шесть скорострелок скитариев, управляемых изнутри; задранные стволы непрерывно крутились, отслеживая каждую потенциальную угрозу. Они поворачивались и наводились на цель, словно фототропные растения — на солнце. Колонна свиты сама по себе была небольшой армией.

Отряды скитариев шагали рядом с ними, шумные и пугающие. На взгляд Этты Северин, скитарии смотрелись полной противоположностью Гвардии или СПО. Цветистые, звероподобные, громкие и грубые, они рвались на войну, издавая леденящие душу групповые кличи наполненного тестостероном предвкушения. Среди них не было ни одного похожего на другого. Она никогда не видела такой мешанины перьев, мехов, встроенного оружия, когтей, аугментики, искусственных клыков, плюмажей, доспехов, украшений и драгоценных камней.

Она поняла, какое Готч испытывает замешательство. Он просто не знал, что и думать об этих варварах. Скитарии не были обыкновенными солдатами — солдатами того типа, с которым он привык иметь дело.

— Этта, не взглянете ли на запад? — предложил Крузий.

Она посмотрела. По рабочим поселкам под ярким светом дня между ней и далекой громадой Аргентума шагали огромные фигуры. Она насчитала пятнадцать «Владык войны» Инвикты,двигающихся на запад к линии фронта. Громадины, неуместно торчащие над окрестностями.

— Так вот как выглядит война махин, — произнесла она.

— Вовсе нет, мамзель, — возразил Крузий. — Вот когда они начнут стрелять, тогда вы увидите, как выглядит война махин.

— Я нахожу их пугающими, экзекутор.

— В этом их смысл, Этта. Они и должны пугать любого, кто их видит.

Ее телохранитель пристально разглядывал далекие машины.

— Старые войны, — пробормотал он себе под нос.

— Майор Готч? — обратился к нему Крузий.

— Простите, просто мысли вслух, — отозвался Готч.

— О чем? — спросил экзекутор.

— О книгах и планшетах, которые читал в детстве, о документах и трактатах, которые пришлось проходить в годы обучения: рассказы о старых войнах, легенды об эпических кампаниях ранних эпох. Никогда не думал, что нечто подобное случится на Оресте.

— Я и сам, конечно, был обязан изучать подобные материалы, — сказал Зонне. — Действительно, идущие махины — зрелище волнующее.

— Я не имел в виду волнение, — покачал головой Готч. — Хотя этого не отнять. Во времена старых войн разносили в клочья и превращали в пепел целые миры. Старые войны всегда обходились очень дорогой ценой.

Вдали, далеко к северо-западу, одна из тяжело шагающих фигур внезапно осветилась, вспыхивая искорками огня.

— Работа на сегодня началась, — произнес Крузий.

>

Первая серьезная для Инвикты схватка вспыхнула на северной границе рабочих поселков, где ярусы штабелей Семпловых Высот начинали выравниваться, переходя в густонаселенные районы незаконных улиц и провалов Старой Башни.

Выдающаяся в узкий илистый залив Семика Старая Башня была одной из самых жалких черных трущоб среди пригородов улья. Жилища здесь стояли на сваях, и самые высокие приливы переполняли каналы вокруг острова Святой Сатис, затекая в нижние улицы окраин. Это были районы бедняков, сточная яма для воров, должников, проституток и изгоев, куда даже Магистратум и общественные миссионеры Экклезиархии заходить не желали.

Хотя главный удар наступления Архиврага на восток был встречен у Аргентума и западных границ Иеромихи, тактики Геархарта предсказывали, что враг может попытаться подойти с фланга вдоль бассейна и болотистой поймы Семика. Несколько махин отправились широкой цепью на север вместе с поддержкой из скитариев, чтобы следить за подступами оттуда.

«Владыка войны» «Сикариец Фаэро» под командованием Вансента Кунга шел первым. Свернув с главной магистрали, достаточно большой для прохода титанов, махины, такие как Кунгова, были вынуждены пойти напролом. «Фаэро» давно уже не ходил через город, и Кунг снизил скорость. Сопутствующего ущерба не избежать, но он не желал разрушать кусок пригорода того улья, который должен оберегать, только ради того, чтобы быстрее дойти до врага.

Даже идя малым ходом, «Фаэро» оставлял после себя кильватерный след разрушений. Его громада стесывала стены на узких улицах или проламывала панельные жилые блоки, если не находилось прохода.

В этом районе многие строения были ветхими и заброшенными. Каменная кладка и деревянные балки почернели от времени и грязи. Каркасы четырех- и пятиэтажных зданий стояли без крыш, и «Фаэро», цепляя выступающие свесы и гнилые опорные конструкции, с хрустом пробирался вперед, снося полумертвые трущобы, что простояли по шестьсот-семьсот лет. Он продвигался сквозь группки грязных улочек, словно передвижное землетрясение, сопровождаемый непрерывным грохотом и шелестом осыпающейся кладки, звоном разбитого стекла, треском падающей черепицы. Там, где он проходил, резкий дневной свет, смешанный с пылью, падал на вскрытые помещения и подземные туннели, которые находились в темноте многие века.

Кунга привело в уныние количество жизненных отметок, которые показывал ауспик. Обреченный, полуразвалившийся район Старой Башни не был оставлен жителями. В отличие от своих более зажиточных соседей в Семпловых Высотах и прилегающих городках, у которых нашлись средства и возможности эвакуироваться в главный улей, несчастные отбросы Старой Башни остались в своих трущобах. Они прятались там, в сырых и подтопленных подвалах, в подземных криптах и удушливых погребках, ожидая и молясь, чтобы закончилась война, чтобы они смогли выйти и продолжить свою отвратительную жизнь. «Фаэро» шагал вперед, Кунг следил за ауспиком. При каждом шаге, при каждом падении стены или крыши кучки жизненных отметок смещались, двигаясь волной впереди махины и рассыпаясь по окрестным улицам. Словно крысы, которых гонят из нор, жители Старой Башни бежали перед разрушительным продвижением махины, хотя и выжидали до самого последнего момента, когда на сулящую гибель поступь надвигающегося титана уже нельзя было не обращать внимания. Тогда их решимость сидеть тихо и прятаться побеждал страх смерти, и они бросались бежать, таща за собой детей, скот и пожитки, в примыкающие переулки и тупики, в то время как гибли их дома и убежища.

— Этот сектор стоило бы расчистить, — пробормотал Кунг.

— При всем уважении, принцепс, я сомневаюсь, что Кузница или губернатор обладают каким-то контролем над этими беднягами, — отозвался модерати. — Это черные трущобы. Здесь нет властей.

— Ну и кем мне прикажете себя считать? — спросил Кунг. — Отрядом по реконструкции города, что ли?

Модерати расхохотался.

Титан вышел из темной улочки во двор, граничащий с рядом гниющих скотобойных навесов. Бурая приливная вода поднималась в каналах, и каждый гигантский шаг вздымал по всему двору такие волны, что они грязным прибоем разбивались о фасады окружающих зданий.

Модерати Кунга издал возглас изумления. Кучки местных жителей собрались по краям двора, крича и глумясь над шагающей махиной. Некоторые появлялись в окнах и даже на просевших крышах. Они принялись забрасывать «Фаэро» камнями и обломками. Кунг почувствовал крошечные удары и стук кусков черепицы и дорожной плитки, отскакивающих от его кожи.

— Вот тебе и благодарность.

Он включил могучий боевой ревун «Фаэро», и рассерженный упрек древней машины заставил толпы рассеяться в ужасе. Некоторые снова собрались позади титана, швыряя камни и бранясь, с намерением прогнать машину из своей жизни.

— Черт возьми, — произнес модерати, — они что, не понимают, что мы пытаемся для них сделать?

Кунг не слушал. Что-то только что промелькнуло по манифольду, и он запустил систему ретрокогниции, чтобы воспроизвести снова и отследить, что же это было.

— Контакт! — взревел он, занимая соответствующее положение в амниотике и концентрируя сознание.

«Фаэро» внезапно очутился под совмещенным огнем с семи наземных позиций на улицах впереди. На броне расцвели взрывы от осколочных и прямых попаданий.

— Щиты на полную!

Стаи ракет со свистом брызнули через крыши и вспухли пеленой огня поверх щитов. Интенсивный артиллерийский огонь разносил стены и деревянные балки, страстно желая добраться до машины.

Несколько плотно стоящих зданий впереди рассыпались под сокрушительным обстрелом.

Стремительное нападение превратило двор в хлещущий лес водяных столбов, потоков грязи и разлетающихся обломков. Те из жителей, у кого хватило мозгов бежать, ринулись в ближайшие переулки и проходы.

Спасти им не удалось. Враг усилил обстрел, стремясь поразить «Фаэро». Град дальнобойных снарядов модифицированных «Бомбард» и «Сотрясателей» осыпал двор и скотобойные навесы. Меткость врага оставляла желать лучшего. Падающие снаряды взрывались на окраинных улицах и в переулках за спиной титана, оставляя после себя глубокие воронки и развороченные зловонные подвалы. Вихри огня вскипали в узких проходах и извергались из зданий. Разбегающиеся кучки людей сгорали в пламени разрывов, умирали в потоках кипящей воды. Непрерывная тряска от падающих снарядов была столь интенсивной, что «Фаэро» слегка шатало.

— Щиты держатся! — крикнул модерати.

Кунг ответил энергично, атаковав турбоогнем с левой руки. Поворачивая корпус, он сровнял с землей целый ряд домов, захватив попутно одну из скрытых позиций противника. Он услышал

мусорный код и шум двигателей. Засада пыталась перевести и перенацелить свои мобильные батареи.

— Щиты держатся! — крикнул модерати.

Кунг ответил энергично, атаковав турбоогнем с левой руки. Поворачивая корпус, он сровнял с землей целый ряд домов, захватив попутно одну из скрытых позиций противника. Он услышал мусорный код и шум двигателей. Засада пыталась перевести и перенацелить свои мобильные батареи.

Кунг вычислил источник шума и снова врубил турболазер. От ярости его убийственного излучения посыпалась черепица с крыш и полопались стекла в окнах. Ауспик показал вспышку тепла — где-то поджарилась самоходка или оружейная установка. Явно уничтожение цели.

— Вперед, самый полный ход! — приказал Кунг.

— Есть самый полный!

Сенсоры Кунга высчитывали данные целеуказания по мере поступления информации. Любая горячая точка, появляющаяся среди холодного и темного камня в непосредственной близости, любой всплеск мусорного кода, выхваченный из эфира, становился устойчивым следом. Кунг чувствовал пульсацию вен предплечья, когда били «Вулканы», переключаясь с одних данных целеуказания на другие, как только сенсоры их выдавали.

<Выгрузить данные о ситуации, «Фаэро»!> — потребовал по связи манифольда Борман.

Уже делая безо всякого труда двадцать дел одновременно, Кунг выплюнул данные оперативного изображения в ответ. Он был в курсе, что следом за ним идут силы скитариев, а с юга приближается «Венгесус Грессор».

Он не стал запрашивать помощи ни у кого из них.

>

Крузий внимательно следил за загружающейся передачей.

— Кунг, — пробормотал он.

— Что? — спросила Этта Северин. Гололитический дисплей менялся быстрее, чем она могла уследить, одни данные накладывались на другие слишком часто для немодифицированного смертного.

— Принцепс Кунг, — пояснил Зонне, — ведущий «Сикариец Фаэро» в район Старой Башни. Принцепс вступил в бой.

— Успешно?

— Бой еще не закончен, мамзель, — ответил фамулюс. — «Сикариец Фаэро» на данный момент повреждений не имеет и уничтожил девять наземных целей.

— Десять, — поправил Крузий не глядя.

Связь ноосферы краулера оказалась слишком слабой, чтобы можно было эффективно следить за сражением. Экзекутор выпустил небольшой механодендрит из гнезда в запястье под обшлагом рукава и вставил в пульт. Подключившись напрямую, хотя и с ограниченными возможностями, он соединился с манифольдом.

Этта наблюдала за ним. Экзекутор-фециал, казалось, смотрит в пустое пространство, хмуря брови. То и дело едва заметная реакция кривила его губы или прокладывала морщины на лбу.

— Похоже, что предположение лорда Геархарта было правильным, — сказал он. — Враг сделал попытку флангового обхода через Семик. На самом деле они продвинулись даже дальше, чем ожидалось. «Фаэро» столкнулся с наземными частями — легкими моторизованными орудийными платформами и крупными боевыми сервиторами.

Этта посмотрела на окна. Даже для открытой площадки наблюдательного мостика битва шла слишком далеко, чтобы можно было различить какие-то детали. В нескольких километрах к северу небо вспыхивало от орудийного огня, поднимался дым. Машина, которую они видели осветившейся выстрелами, пропала из виду.

— Каковы силы противника? — спросила она.

— Принцепс Кунг на данный момент отслеживает сорок восемь источников огня артиллерии и тяжелого оружия.

— Сорок восемь? — переспросила Этта. — По нему стреляют из сорока восьми мест?

— Его щиты держатся, мамзель. Он устраняет цели с поразительной скоростью.

— Он? — эхом повторила она.

— Конечно, — сказал Крузий. — Он и есть «Сикариец Фаэро».

>

«Владыка войны» Кунга пробился через старую Паперть в конце Палатной дороги, уничтожив за несколько секунд достопримечательность Старой Башни, что тысячи лет являла свои осыпавшиеся, потемневшие от мха черты небу Ореста. Гранитные колонны, оплетенные плющом, валились, словно деревья, позади махины; западная стена Паперти неторопливо вспучилась и рухнула, будто падающая волна. Грохот всеобщего разрушения потонул в визге турболазеров и испепеляющих плевках плазменных орудий.

Пробираясь сквозь каменные обломки, «Фаэро» вышел на Птичий рынок — широкий проход, идущий от старых пристаней Самика на юг к коммерции Гокса. Около дюжины крупных боевых сервиторов накидывались на «Фаэро» сзади, словно питбули, хватаящие за пятки свирепого урсида.

Они бросались вперед, быстро семеня многочисленными ногами, и выпускали с близкого расстояния импульсы из своих плазменных установок, предназначенных для убийства махин, а затем отступали.

Кунгу надоели их забавы. Дюжина этих зверюг уже лежала разбитыми и горящими позади «Фаэро». Он опустил турболазер и перепахал дорожное покрытие вокруг ног титана, вращая корпус махины, чтобы увеличить конус огня. Надоедливые сервиторы поплатились за свою дерзость. Двое испарились. Еще трое получили столь серьезные повреждения, что их шасси разлетелись на куски. Покинув Паперть, Кунг перешел на полный ход и раздавил еще двоих. «Фаэро» дрогнул, когда под ногами воспламенились резервуары с плазмой. Вдобавок Кунг превратил один могучий шаг в неуклюжий пинок, метко ударив одного из сервиторов, отчего тот улетел и, подпрыгивая, покатился по улице.

Уцелевшие сервиторы отстали и, отстреливаясь развернутыми назад орудиями, разбежались с изрытой воронками дороги. Впереди, у Птичьего рынка, танки и самоходные орудия Архиврага, что обстреливали «Фаэро» у скотобойных навесов, заметили надвигающегося титана и с ревом начали торопливо отступать. Кунг прицелился из орудия «Дрожь земли» и турболазера и принялся отстреливать их с ходу. Они понадеялись, что их массивная огневая мощь прикончит «Фаэро» прежде, чем тот выйдет на открытое шоссе. Надежда оказалась опрометчивой и глупой.

Танки начали взрываться. Башни отрывало и кувыркком вскидывало в воздух. Боеукладки детонировали с силой грома. Целые орудийные платформы разрывало пополам и опрокидывало набок. Те, кто уцелел при первых залпах, увеличили скорость, некоторые задним ходом съезжали с шоссе, пробивая стены, пытаясь уйти от прямого столкновения.

— Держать скорость! — приказал Кунг.

Даже отступая с открытой дороги в плотную застройку трущоб, проламывая своими отбойниками дыры в зданиях, вражеские танки оставались видимыми для него. Сенсоры Кунга продолжал терпеливо фиксировать каждый след, что регистрировал ауспик: мусорный код,

шум двигателей, тепло выхлопов, вибрацию движения. Он даже указывал векторы целей по следам рушащейся кладки. Сознание Кунга, полное звериной ярости БМУ, переключалось между наборами вооружения, выполняя несколько задач сразу, быстро подбирая тип боеприпасов, подходящий для конкретной цели. Разбитые строения рабочего поселка не спасали врага — каменные и роккритовые стены не могли ни спрятать его от взгляда «Фаэро», ни защитить от выстрелов.

Бой длился девять минут. За это время «Сикариец Фаэро» сровнял с землей пять кварталов Старой Башни и уничтожил тридцать четыре цели. Кунга в амниотической раке омывал восторг битвы. Голова откинута, рот распахнут в рыке, пальцы хищно скрючены. Он отдался «Фаэро», позволив машинному духу поднять его способности до интуитивного, инстинктивного уровня.

Даросс, модерати, не сводил глаз с монитора жизненных показателей. Были известны случаи, когда на пике сражения принцепсы отключались, испытывая большой эпилептический припадок или полностью теряя рассудок и пропадая в ревушем водовороте БМУ. Через манифольд, через щекочущие всплески штекерного подключения Даросс ощущал то, что переживал Кунг, — через вторые руки, но все равно ярко: перегрузку сенсорных изображений и вычисления целей, мощь конечностей, ревушую ярость орудийных сервиторов, бешено колотящийся реактор, треск щитов, машинный код, расплавленным свинцом бегущий по спинному мозгу, стальную крепость духа, радость...

Внезапно прозвучал сигнал попадания во вражеский прицел. Предупреждающая отметка, словно кровавая ссадина, вспыхнула в манифольде.

<Махина! Махина!> — прокантировал сенсоры.

Бой вот-вот грозил перейти на более высокий уровень.

Она пробивалась к ним сквозь пыльные амбары за Птичьим рынком, целеустремленно перешагивая через каналы и мостки, что крест-накрест пересекали задние поля. Она пинками рушила стены и расталкивала плечами башни и карнизы крыш в агрессивной жажде добраться до имперского титана. Она прошла сквозь верховой переходный мост, который перегородил ей дорогу на уровне груди, выгнув и порвав металлическую ферму, как спринтер-победитель рвет финишную ленточку. Обломки моста, высекая искры, посыпались на улицу вниз.

Ее звали «Некромант Инвидиоза». Она и не пыталась скрыть свое имя, даже наоборот, громко транслировала его завывающим мусорным кодом через аугмиттеры, крича на всех частотах, словно слова могли быть неким оружием. Их отравляющий скрежет заставлял манифольд дрожать и дергаться по краям. Кунг зарычал и приглушил аудиорецепторы, отключив десятки незначимых каналов, чтобы убить шум.

Злобный вой не прекращался. Слова: «Некромант Инвидиоза!» — эхом металась по манифольду, БМУ, мысленному представлению, словно выжженные раскаленным добела железом. Имя смердело. Оно воняло смертью и убийством. Оно имело привкус какого-то

нечистого, неосвященного места за пределами известных звезд; его фонетическая структура состояла из недочеловеческих, отвратительных звуков.

Уродливая вражеская махина щетинилась шипами. Она была черной, словно сгоревшая плоть, но нельзя было сказать, специально она покрашена в такой цвет или покрылась копотью в результате предыдущих боев. Ржавчина проела броню, отметив тело махины язвами. Кроваво-красный свет сиял из окон кокпита. Уже наведясь, она выстрелила первой. Нечто вроде турболозера изрыгнуло копьё света в «Фаэро»; вспышка была столь яркой, что оставила синеватый отпечаток на сетчатке глаз.

Кунг сморщился, когда выстрел ударил по щитам на уровне брюшных мышц, вспыхнув фонтаном рассеивающейся энергии. Пустотные щиты выстояли, но на мышцах пресса самого Кунга остался болезненный психостигматический рубец. Вражеская махина выстрелила во второй раз, но выстрел по касательной отскочил от пустотного щита на плече. Кунг услышал злой животный хохот из аугмиттеров врага.

Обезображенный вражеский «Владыка войны» выстрелил снова, и «Фаэро» получил второе попадание в брюшные мышцы. Кунг задохнулся от боли; зазвучал сигнал, предупреждающий о состоянии щитов.

— Повреждение щита, участок восемьсот восемьдесят три, — передал Даросс.

Коварный и предусмотрительный «Некромант Инвидиоза» специально целился в первую рану, пытаясь разорвать щиты. Он издал первобытный хохот — хриплое автохтонное бульканье: частью ликующий смех, частью испорченный код.

Кунг двинул правым плечом, правая корпусная установка — кубическое пусковое устройство, которое «Фаэро» носил на широком правом плече, словно ящик, — проснулась и активировалась. Боезапас ее составлял пять управляемых ракет. Створки установки и крышки пусковых труб распахнулись.

<Курс два-десять>, — прокантировал Кунг.

— Есть два-десять, — ответил рулевой.

<Подготовить расчет поражения цели>.

— Есть подготовить расчет, — отозвался сенсор.

<Самый полный ход>.

— Есть самый полный, — откликнулся Даросс.

«Фаэро» вышел из сектора огня вражеской машины и повернул на курс атаки. «Некромант Инвидиоза» не снижал хода. На его оружейных конечностях развевались вымпелы убийств. Грязные, испятнанные кровью полотнища захлопали на жарком ветру, когда машина начала поворачивать корпус для нового выстрела. Кунг трижды выстрелил навскидку из турболазера, двумя выстрелами по касательной поразив затрещавшие щиты машины, а третьим обезглавив фабричную трубу в ста пятидесяти метрах за спиной врага. Ужаленный попаданиями, «Некромант Инвидиоза» сделал шаг назад и начал выполнять полный поворот, чтобы встретить врага лицом к лицу.

Кунг выпустил первую ракету. На конусе сгорающих газов она со свистом покинула контейнер и ударила вражескую машину в лоб.

Детонация была изрядной. Электромагнитный импульс-шок на секунду сбил манифольд. Вновь обретя соединение, Кунг увидел, как вражеский «Владыка войны» отшатнулся, споткнувшись. Он все еще был цел, но его передние щиты волновались и трещали от перегрузки. Сплетения искр и электрических разрядов плясали в воздухе вокруг.

Кунг выпустил еще одну ракету.

Он услышал вой мусорного кода и на секунду решил, что свалил врага. Но чудовищная тварь осталась на ногах, шатаясь, озаренная переливами энергии.

Машина развернулась и зашагала прочь.

— Она убегает! — одобрительно крикнул Даросс.

<Этого мы не позволим>.

Модерати обернулся, глянул на амниотическую раку и ухмыльнулся.

— Полный ход! — крикнул он.

«Фаэро» бросился в погоню.

Вражеская машина разогналась до максимальной скорости, прихрамывая, словно раненая. Она шла обратно по своему следу, отступая через борозду разрушений, которую пробилась сквозь амбары. «Фаэро» покинул Птичий рынок и вклинился в чашу старых зданий и гниющих сараев, прокладывая свой собственный путь через черные трущобы. Старые стены и крыши разлетались перед ним на куски, целые ряды домов складывались, словно костяшки домино. Двигаясь параллельным курсом, Кунг вытянул все, что мог, из реактора и, сокращая дистанцию, стрелял из «Вулканов» и турболазера.

Пути двух шагающих машин медленно сходились. «Фаэро» начал выравниваться, отделенный от

врага меньше чем двумя кварталами провалов. Враг был виден над линией крыш, шагающий через трущобы, словно по пояс в воде.

Все еще идя полным ходом, «Некромант Инвидиоза» развернул торс вправо и начал долбить из турболозера на ходу. Идя сбоку, «Фаэро» повернул корпус влево и открыл ответный огонь. Бок о бок, две машины пробивали и протаптывали себе дорогу сквозь трущобы, щедро паля друг в друга. Бешеный перекрестный огонь взрывал и испарял верхние части зданий между ними, поднимая в воздух фонтаны черепицы, кирпичей и известки. Три длинных дымных следа вздымались за ними: по одному за каждым титаном и один от попутных разрушений между ними.

Перед ними вырос старый храм Святой Лазры на Севере. Он был выше обеих машин. Они стали обходить его с боков. Ни один не прекратил огня. Храм пропороло от края до края, вся его конструкция сотрясалась и сыпала клочьями, словно ураган опавших листьев. Древний шпиль провалился внутрь в облаке белой пыли, как будто его поглотила сама земля.

Они миновали храм, не переставая палить друг в друга. Впереди лежала широкая серая лента реки, окаймленная кучками жилищ на сваях, складами, портовыми кранами и влажно блестящими безмятежными ложами северных резервуаров.

— Его щиты падают! — закричал Даросс, перекрывая бешеный рокот заряжающих автоматов.
— Регистрирую тридцатипроцентную потерю цельности правых щитов!

Кунг переключился на ракеты и выпустил третью. Она ударила «Некромант Инвидиоза» прямо под правую корпусную установку, и огромный огненный шар внезапно взметнулся и забурлил, словно пойманный встречным тайфуном.

Кунг знал, что это значит. Щиты вражеской машины лопнули, лопнули резко, и всплеск давления разорвал плену огня, словно обратная тяга.

Вражеский «Владыка войны» сбился с шага, выправился со скрежетом гиросtabilизаторов и сбился опять. Правая часть его корпуса была разбита, куски брони болтались на нитях усиливающей арматуры. Жалкие вымпелы побед горели. Вторичные взрывы, небольшие, но смертоносные, полыхнули по правому боку, выбрасывая куски раскаленной докрасна брони и фрагменты подкожной обшивки.

Шатаясь, напрягая гироскопы сверх допустимого, вражеский «Владыка войны» достиг роккритовой платформы рядом с основным резервуаром, сбил портовый кран и порвал линию электропередач — провода лопнули и брызнули фонтанами искр. Платформа пристани затрещала под весом машины. «Некромант Инвидиоза» повернулся к противнику лицом, перекосившись вправо. Дым рвался из его торса, окутывая кокпит.

<Машине стоп!> — приказал Кунг.

Две машины на секунду встали лицом к лицу: «Фазро» — несгибаемо, крепко и решительно, с поднятыми орудийными руками и сгорбив спину, «Некромант» — вяло и пошатываясь, словно нокаутированный боксер.

Пыль и дым могучего состязания вздымались над разрушенными улицами.

<«Некромант Инвидиоза!»> — непокорно взвыли аугмиттеры машины.

— Ты это уже говорил, — сказал Кунг и выстрелил из «Дрожи земли» — единственный выстрел, в голову.

Кокпит вражеского «Владыки войны» взорвался; верхнюю и заднюю части бронированной черепной коробки вбило в нависающий сверху корпус. Силовые линии на плечах и локтях вспыхнули. Он отшатнулся, все увеличивая наклон, уже дойдя до точки невозвращения.

«Некромант Инвидиоза» медленно опрокинулся на спину, объятый пламенем, и рухнул на дно резервуара, утянув за собой ряд кранов и лебедок. Удар взметнул высоко в небо фонтан грязной воды, словно взорвался заряд подводной лодки, и мгновенное наводнение затопило пристань, всосавшись назад так же быстро, как и пришло. Огромный приливный вал прокатился по резервуару и яростно перехлестнул через дамбы и фильтрационные барьеры у границы реки. Подсистемы машины продолжали взрываться, по мере того как та погружалась, и бурлящие гейзеры поднимались над взволнованной поверхностью воды, выбрасывая пар.

— Орудия в безопасный режим и перезарядить, — произнес Кунг. — Пошли поищем следующего.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660432>